

- 3 См.: Краткий словарь по социологии. М. : Политиздат, 1988. С. 282–283.
- 4 См.: Ланушта М. Г. Предпринимательство. М. : ИНФРА-М, 2008.
- 5 См.: Внешние ресурсы предпринимательской среды. URL: http://www.e-college.ru/xbooks/xbook067/book/index/index.html?go=part-004*page.htm (дата обращения: 05.06.2013).
- 6 См. например: Целевая программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в Саратовской области на 2012–2015 гг.». URL: <http://saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/the-development-of-businesses.php> (дата обращения: 04.06.2013) ; Проекты программ «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Саратовской области на 2013–2020 гг.» ; «Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 г.». URL: <http://docs.cntd.ru/document/977400942> (дата обращения: 10.09.2013).
- 7 См.: Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития малого и среднего предпринимательства в Саратовской области по итогам 2011 г. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/pred/sub.php> (дата обращения: 03.06.2013).
- 8 См.: Tacis Project Smerus 9501 «Техническое содействие в создании ресурсного центра малого предпринимательства. Анализ внешней среды развития предпринимательства». URL: <http://www.smb.ru/analytics.html?id=avsrp> (дата обращения: 21.05.2013).
- 9 См.: Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития малого и среднего предпринимательства в Саратовской области по итогам 2011 г. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/pred/sub.php> (дата обращения: 03.06.2013).
- 10 См.: Tacis Project Smerus 9501 «Техническое содействие в создании ресурсного центра малого предпринимательства. Анализ внешней среды развития предпринимательства». URL: <http://www.smb.ru/analytics.html?id=avsrp> (дата обращения: 21.05.2013).
- 11 Результаты социологического исследования лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий (ИАГП РАН). Саратовская область. Квотная выборка. 2011 г. (n = 332).
- 12 Там же.

УДК 316.356.2+316.334.55

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОКАНАЛЬНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ВЫЖИВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

П. П. Великий, Е. В. Бочарова

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: iagpran@mail.ru

В статье рассматривается динамика изменения ресурсов жизнеобеспечения сельского населения. Используя исследовательский прием «идти за актором», авторы показали, как менялись ориентиры и формы деятельности разных групп сельских жителей по получению необходимых материальных благ за последние два десятилетия. Делается вывод, что сформировались практики многоканальности получения необходимых ресурсов, в основе которых лежит самодетельность.

Ключевые слова: самозанятость, домашнее хозяйство, рыночный обмен, социальные ориентиры, коридор возможностей.

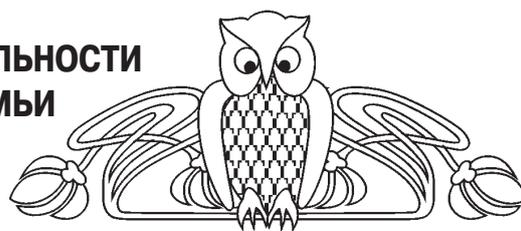
Dynamics of Forming the Multy-channelity of Sources of a Rural Family Surviving

P. P. Velikiy, E. V. Bocharova

In the article the dynamics of changing the resources of rural people vitality is considered. Applying the research method “follow the actor” the authors showed how orientations and forms of activities of different groups of rural people concerning their welfare have being changed during the last twenty years. The conclusion is made that practices of multy-channelity of getting necessary resources based on spontaneous activity have been formed.

Key words: self-employment, household, market exchange, social orientations, corridor of possibilities.

После ликвидации колхозов и совхозов, бывших не только местом работы, но и страховым

институтом, который брал на себя груз вспомоществования семье или индивиду, попавшим в кризисную ситуацию, сельская семья в связи с ослаблением и даже отсутствием субъекта (органа власти, хозяйственной или социальной организации) вошла в рискованную среду – социальную и природную. Несчастный случай, неожиданная болезнь или смерть человека на первых этапах реформирования производственной и социальной сфер села не могли разрешаться в общепринятом, «колхозном», формате, когда все (руководители хозяйства, местной муниципальной власти, соседи и односельчане) приходили на помощь.

Современное социально-экономическое состояние агросферы и села оценивается с двух почти не совпадающих позиций.

Первая позиция присуща кадрам официальных органов, признающих ситуацию в сельском хозяйстве вполне благополучной, позволяющей превратить зерновой фонд в еще один устойчивый ресурс экспорта наряду с нефтью и газом. Многочисленные сигналы (в том числе и показатели статистики) государственных органов об уровне оплаты в АПК, самом низком среди всех отраслей, закрытии учреждений инфраструктуры, обезлюдении села воспринимаются без какой-либо тревоги и попыток кардинально изменить ситуацию.

Другую позицию представляют ученые: экономисты, социологи, географы. Они единодушны в оценках последствий аграрной реформы, в ходе которой 8 из 10 млн трудоспособных жителей села лишились рабочих мест, были отпущены в свободное плавание по лабиринтам рыночного устройства большей части общественных отношений¹. То, что эти миллионы не пополнили рядов нищих, не умерли с голоду, а некоторая часть даже приблизилась к среднему классу *вне системы*, т. е. созданных крупхозов, актуализирует осмысление каналов обеспечения их выживания и благополучия.

В понятие «многоканальность источников выживания» мы вкладываем совокупность определенных ниш добывания ресурсов, необходимых для удовлетворения основных, непреложных потребностей: в пище, одежде, содержании жилища, обучении детей, преодолении разного рода угроз социоприродного характера. При нахождении эффективных каналов происходит переход на более высокий уровень притязания на состав и величину материальных и социальных благ. Канал источников – это и коридор возможностей, взятых как в темпоральном, так и субъектном срезе. Если, например, житель села нашел работу в областном центре, то она станет предзаданным фактором его трудового режима, необходимости через день-два прodelывать неблизкий путь от дома до работы.

Субъектный аспект заключается в предопределенности относительно небольшого перечня специальностей, на который будет допущен житель села. Если он использует областной город, то чаще всего его удел быть охранником разных объектов, если в дальних городах, стройках Сочи или Подмоскovie, то его ждут работы низкой квалификации – строительные или отделочные.

Однако при регулярном, из года в год, выезде человек может несколько повысить свой статус (например, стать бригадиром рабочей группы), но не менеджером или специалистом-технологом. Субъектный аспект приверженности к тем или иным каналам получения ресурсов определяется и степенью свободы и потенциалом к действию конкретных индивидов. Собственное здоровье и здоровье близких людей, мера устремленности на решение целей разного масштабирования, ситуативные препятствия определяют выбор доступного канала или их сочетания (многоканальности). Почему возник этот феномен сельской жизни? Почему новые крупхозы (сельскохозяйственные организации новых рыночных укладов хозяйствования) не заменили тот уровень охвата людей оплачиваемым трудом и социальной заботы, который был присущ колхозам? Ответы лежат в сущности либеральной философии безразличия хозяйствующего субъекта к среде, в которой он расположен территориально.

На сельские реалии переносятся модели взаимодействия предприятий городов с социальной средой, в которых нет и намек на моральную

ответственность перед средой своего базирования, где даже действует право выкупа квот для нанесения вреда природе выбросами веществ, сопутствующих производству. Другими словами, менеджмент крупхозов и фермеры ограничиваются заботой о небольшой доле сельских сообществ, которой посчастливилось получить работу, и они входят в производственный персонал. Современный крупхоз очень мал и по масштабам производства, и по числу занятых – не более вчерашней колхозной бригады или отделения совхоза.

Люди, оставшиеся вне вновь созданной системы (напомним, 8 из 10 млн, ранее имевших рабочие места), должны были позаботиться о себе сами, находить каналы источников выживания. Прошедшие 20 лет с момента ликвидации колхозов содержат немало свидетельств, позволяющих судить о динамике этого процесса.

Обратимся к фактам, носящим хотя и локальный характер, но важным и вполне репрезентативным в осмыслении избранной темы. Учитывая, что «локальное знание представляет собой перманентный процесс формирования и переформирования картины мира <...> Местное население рассматривается как полноценный социальный актор, участвующий в процессе выработки знания о “месте” и для “места”, в том числе как партнер исследователей в процессе научного производства. <...> Методологически данное утверждение соответствует базовому принципу социологии социального знания: “Следуй за актором”»².

Полностью соглашаясь с оценкой О. Н. Яницкого, что обыденное знание имеет столь же весомый статус, как и знание научное, профессиональное³, последуем за видением проблем деревни и АПК отдельной семьи, начиная с 1992 г.⁴

Более чем 20-летний срок отражения в сознании и повседневности определенной семьи реалий сельской жизни, несомненно, обладает не меньшей эвристической значимостью, чем количественные сопоставления на макроуровне или нарративы по отдельным случаям, ныне весьма распространенным инструментом конкретной социологии.

Приведенные описания своего бытия и оценки актора с позиции обыденного сознания происходящих перемен свидетельствуют, во-первых, о долго сохраняющейся вере в то, что государство вспомнит о крестьянах и внесет порядок в деятельность хозяйственных организаций (которые предоставят рабочие места всем трудоспособным, пусть «умеренную», но зарплату и хоть какую-то социальную защиту).

Во-вторых, отсутствие мировосприятия, характерного для исключенных, социально изолированных, бедных категорий населения. Хотя исчезли привычные источники получаемых ранее за труд в коллективном хозяйстве, но «мы будем, пока можем, для себя держать коровку и выращивать все, что нужно к столу. Дети наши ... тоже все свое имеют» (1992 г.).

В-третьих, по мере иссякания надежд, что социальная и хозяйственная ситуации в локале их обитания будут улучшаться, начинает усиливаться поиск новых каналов добычи ресурсов выживания (ориентируясь на новые рыночные институты). *«Из творага я варю сыр, дочь ездит в районный центр (расстояние 20 км) на продажу. Продаем масло и сметану. Для поездок туда и обратно кооперируются..., собираются 4 человека, отдают водителю по 60 рублей и едут»* (2003 г.).

В-четвертых, к началу первого десятилетия XXI в. упрочивается сознание, что выживание за счет опоры исключительно на собственные силы – это окончательно и бесповоротно. *«В колхозе меняют только названия, то АОО, то СПК, а дела все хуже, люди там работают, а платить не платят. Зять (Сергей, механизатор, – П. В.) получил за 5 месяцев 2500 рублей и все»* (2003 г.).

В-пятых, наблюдается живой отклик на любую инициативу внешних контрагентов, если она (даже с минимальной выгодой) ориентирована на кооперацию. *«Продажей мы перестали заниматься: и некому, и невыгодно, лучше сдать молоко. Сейчас подъезжают к дому – сдал, и деньги через неделю привозят (по 9–10 рублей за литр)»* (2010 г.).

«От колхоза ничего не осталось, разобрали ток, столовую, контору. Если закроют школу, учительницы будут заниматься домашним хозяйством. Тут у них семьи. Работы нет нигде, а куда ехать? В нашем селе еще 30 семей, которые протянут лет 10, может, и больше, но дети не хотят возвращаться из города» (2010 г.).

Итак, весь человеческий деятельностный потенциал этого села, в котором не менее 100 дворов, ограничивается 30 семьями, а с учетом того, что все дети мигрировали в города (или еще несовершеннолетние), людей в активном трудовом возрасте еще меньше. Каковы каналы самообеспечения благополучия этой, можно сказать продвинутой, конструктивной группы?

Сельские семьи вновь обратились к семейному хозяйству как ресурсу, который может давать результаты и вне поддержки его в колхозной версии, т. е. в условиях исключения возможности получать корма из фондов коллективного хозяйства. Благодаря сдаче в аренду земельных паев потребности в фураже для домашних животных покрываются только частично. Семьям, решившим расширить хозяйство, приходится усиливать как рыночный обмен, так и физические нагрузки по обеспечению животных кормами. Новым стало внимание к тягловым средствам облегчения труда: в хозяйствах семей стали появляться мотоблоки, доильные аппараты, автомобили для перевозки грузов, иногда лошади.

«Зерно уже получили, сухое. Сергей мелет на крупорушке и кормит скотину. У нас две коровы, телка стельная, три теленка, три поросенка, 13 гусей, 15 курей. Всех надо накормить, напоить и убраться навоз, это все Сергей делает. Он не

работает, и многие поуходили с работы, стали мало платить и не вовремя, многие уезжают в Сочи на заработки. Многие держат по 5–6 коров, молоко сдают, вот этим и живут. Вот племянник мой Михаил завел 6 коров, аппарат и доят коров. Быков сдал, купили пластиковые окна» (сентябрь 2013 г.).

Каналы источников выживания бывают основными и дополнительными. Наличие животных на подворье, огород – это основной источник, его уменьшение допускается, как правило, лишь в случаях наступления физической немощи членов семьи. Близок к основному и такой вид, как трудовое отходничество.

Второстепенным можно считать ресурс, получаемый от родственников, живущих в городах, что связано со схожими проблемами ресурсообеспечения городского населения.

Наиболее распространенной формой неформальной самозанятости по-прежнему выступает личное подсобное хозяйство. Среди опрошенных самозанятых сельских жителей 20,7% заняты в собственном домашнем хозяйстве, которое подвержено многочисленным рискам. Владельцы семейных хозяйств не всегда могут продать произведенную продукцию из-за удаленности от рынков сбыта, трудностей с получением разрешительной ветеринарной документации, отсутствия свободного доступа на сельскохозяйственные ярмарки. Кроме того, под давлением демпингового импорта резко занижаются цены на продукцию отечественных сельхозтоваропроизводителей. Информационная некомпетентность по вопросам оформления документов, производства и сбыта продукции является серьезной проблемой для самозанятых в собственном домашнем хозяйстве.

«Содержание одной коровы обходится минус три тысячи рублей в год», подсчитал информант, но ее наличие все равно влияет на стабильное самочувствие сельской семьи. Чтобы заменить продукт, который семья получает от нее, в его разнообразии и качестве, на селе нужна совсем другая социальная инфраструктура, которой там нет и никогда, вероятно, не будет. Сейчас, с учетом низкого уровня жизни сельского населения, рыночные структуры доставляют туда самые дешевые, малоценные по питательным качествам продукты.

Однако нельзя считать наличие животных на подворье (у одних меньше, у других больше) общим правилом.

Сельские семьи, дифференцированные по возрасту, числу членов и квалификации, обладают неодинаковым потенциалом, чтобы успешно адаптироваться к переменам, пришедшим с аграрной реформой в сельскую повседневность. Большая часть подворий возделывают от 0,15 до 0,40 га земли. Здесь присутствует самый примитивный ручной труд, и выращенная продукция в основном потребляется семьей, потому что либо у нее есть другой источник существования, либо

владельцы ЛПХ физически не в состоянии обрабатывать участок. Это и есть затухающий корпус семейного хозяйства, который уже ничем нельзя реанимировать, что является большой утратой для АПК и общества, поскольку речь идет о подавляющем числе семей (83% всех владельцев семейных хозяйств). Мельчайшие ЛПХ сегодня – это артефакты подручного и страхового источника питания крестьянской семьи общины XIX в. и всей истории колхозной действительности.

Хозяйственная деятельность этого слоя аграрников строится на небольших участках. Между тем сельская семья имеет гораздо большие земельные наделы (паи), которые сданы в аренду либо крупхозу, либо фермеру (20–30 га) за очень небольшую арендную плату.

Что представляют собой остальные 17% семейных хозяйств? По расчетам А. Т. Абрашовой и Р. У. Гусманова⁵, величина земельного участка, приходящегося на одного владельца ЛПХ, приближается к участкам мелких фермеров, об этом свидетельствует то, что мелкие фермеры (их сегодня 90 % от числа ферм, имеющих землю) обрабатывают 6,3 млн га, а семейные хозяйства выделенного типа – 4,2 млн га. Если сюда добавить владельцев земельных участков в составе ЛПХ от 0,41 до 1 га (их более 2 млн), то площадь возделываемой ими земли возрастает до 5 млн га.

Хозяйственная активность выделенного слоя крепких хозяев (17 %) наряду с официальными мелкими и средними фермерами – исключительно важный фактор аграрного производства сегодня и в будущем, потому что они уже накопили солидный багаж предприимчивости, трудолюбия и способности к риску и, кроме того, поддерживают в большей или меньшей степени агрокультуру сельского хозяйства.

Многие сельские жители выработали приемы соединения рыночных возможностей сбыта выращенного и частично переработанного с мобильностью и делают вызов устоявшимся традициям прикреплённости к месту. Работа в Сочи – это реанимация трудового отходничества, которое использовалось крестьянами, прежде всего, в Европейской части России в XIX в. и в основном в зимние месяцы, когда работа на земле приостанавливалась.

Повышение роли и распространение неформальной самозанятости явилось следствием новых возможностей для реализации имеющихся социальных ресурсов сельских жителей и одним из основных направлений адаптации к новым социально-экономическим условиям значительной части сельского населения.

Итак, после многих лет поиска способов выживания, которые ограничивались и плохо оплачиваемой работой в крупхозе, и торговлей сельскохозяйственной продукцией, жители села стали больше внимания обращать на всю панораму возможностей в локальном и макромасштабе (пока не выходящим за границы страны).

В период экономических преобразований сформировались характерные черты самозанятых. Такие работники инициативны, мобильны, не только способны самостоятельно выполнять какие-то работы или оказывать услуги, но и имеют возможность и желание организовать себя. Самостоятельная занятость открывает широкие горизонты для выбора сфер деятельности, а также способ планировать и распределять рабочее время. Однако успехи достигаются зачастую путем наращивания объемов тяжелого, малоквалифицированного труда, особенно в сфере сельскохозяйственного производства. Затраты труда самозанятых, как правило, значительно выше, чем у наемных работников⁶.

По результатам опроса, из общего количества самозанятых сельских жителей мужчины составляют 68%. Женщин в данной категории обследованных значительно меньше (32%), они предпочитают выбирать более защищенное место работы, не требующее определенных рисков и затрат. Основную часть самозанятых (75%) составляют сельские жители в возрасте 25–54 лет.

Образование также влияет на выбор типа занятости. Наибольшее количество самозанятых работников в неформальном секторе имеют начальное профессиональное образование (35%); среднее специальное – 22%; среднее общее – 27%; неполное среднее – 8%. Среди этой категории жителей высшее образование имеют 5% опрошенных. С ростом образовательного уровня вероятность быть занятым в формальном секторе экономики увеличивается. Наличие у индивида высшего образования служит весомым аргументом для перевода его в категорию занятых в формальном секторе экономики. Немаловажным аргументом при выборе формальной или неформальной самозанятости выступает гарантия будущего пенсионного обеспечения.

Неоотходничество как канал самообеспечения сельских жителей недостаточными ресурсами (деньгами) в постсоветское время утратило связь с ритмами трудовых нагрузок в сельском хозяйстве. Член семьи может уехать на заработки в любое время года, лишь бы обнаружилось доходное место. Чаще всего это происходит в летние и осенние месяцы, когда активно ведется строительство разных объектов и требуются рабочие руки.

Несет ли неоотходничество положительный или отрицательный смысл? С точки зрения потребности сельского хозяйства в нем есть отрицательный момент. А с точки зрения удовлетворения потребностей самого населения – пусть это нелегкий путь, но он позитивно влияет на социальное благополучие людей, которые не по своей воле оказались не у дел, на обочине хозяйственной жизни села.

На вопрос, оказала ли выездная работа положительное влияние на жизнь семьи, лишь 11,2% мужчин дали отрицательный ответ. Еще меньше отрицательных оценок у их жен, матерей, сестер

– 6,9%. Зато 38,6% всех респондентов сказали, что семья стала жить материально намного лучше, а 13,6% мужчин указали на такой положительный аспект, как приобретение делового опыта, теперь им легче найти заработок. Многие приобрели автомобиль, бытовую технику, одежду. Однако выездная работа на длительные сроки несет с собой ряд издержек. Прежде всего, угроза здоровью: 22% мужчин, а по оценке их жен – 24,2%, полагают, что ухудшилось здоровье из-за очень высокой трудовой нагрузки; 11% мужчин и 17% их жен отметили, что ухудшились семейные отношения, а 5,6% мужчин вообще указали на распад семьи⁷.

Коллективные хозяйства новых укладов сохранили все признаки отчуждения работника, а теперь и всего сельского сообщества, от средств производства и труда. Поэтому время отъезда на заработки лишь частично ограничено общественными интересами, а в основном – заботой о своем подворье (вовремя вспахать огород, посадить картошку, овощи). Заготовка кормов для скота на подворье – тоже исчезнувшая озабоченность: вернешься с деньгами – корма приобретешь. Следовательно, важно предложить свои услуги городу в сроки наиболее высокой потребности в рабочей силе (время строительства загородных домов, отпусков в коммунальном хозяйстве и т. д.).

Определенная часть сельских жителей активного трудового возраста работает в областных центрах и на производствах, находящихся за его пределами, но тоже удаленных от места жительства. По нашим наблюдениям, расстояние, которое

согласны преодолевать сельские маятниковые мигранты до рабочего места, составляет примерно 80–100 км. За этими пределами местное отходничество замещается более дальним – Москва, Сочи, энергетические промыслы Крайнего Севера.

Человек, отважившийся оставить на время свою семью, подворье, село и возвратившийся с хорошими (они могут быть и небольшими, но достаточными по сельским меркам) деньгами, уже по своим ориентирам становится *несельским*. Он скорее предпочтет риски по поиску мест работы в разных местах, чем возвращаться к традиционному крестьянскому труду.

Государство пытается придать самозанятости организационную и финансовую институализацию.

В среднем по РФ в 2011 г. 31% всех занятых в сельской местности были задействованы в неформальном секторе, что более чем в два раза превышает аналогичный показатель для города (14,4%). За период с 2002 по 2011 г. неформальная занятость сельского населения увеличилась с 28,6% до 31,0%⁸. В 2011 г. сельскохозяйственную деятельность осуществляли 55,8% жителей, занятых в неформальном секторе, а несельскохозяйственными видами работ были заняты 44,2% респондентов (рисунок). В 2012 г. количество сельян, занятых сельскохозяйственными работами в неформальном секторе экономики, сократилось до 53,4%. Уровень занятых несельскохозяйственной деятельностью в неформальном секторе, наоборот, вырос до 46,5%⁹.

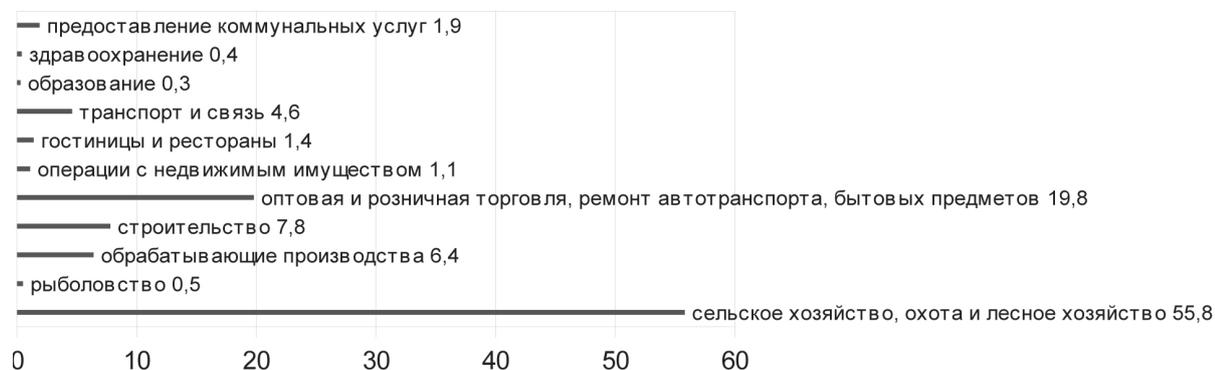

Рис. 1. Занятое сельское население в неформальном секторе по видам экономической деятельности. 2011 год¹⁰

Проблема развития альтернативной занятости в сельской местности была впервые поставлена на национальном уровне в «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы»¹¹. В 2009 г. была разработана «Программа самозанятости» по оказанию финансовой помощи безработным гражданам, представившим эффективный бизнес-план на развитие малого бизнеса. Безработному выделяется единовременная субсидия в размере 58 800 рублей на открытие собственного

дела, а также дополнительных рабочих мест для других безработных. В 2010–2011 гг. субсидию на организацию предпринимательской деятельности в сельской местности получили 177,1 тыс. человек. Основные направления деятельности – создание личных подсобных хозяйств, крестьянских (фермерских) хозяйств, оптово-розничная торговля, оказание бытовых услуг, производство и реализация строительных материалов, организация ремонтных мастерских по обслуживанию сельскохозяйственной техники, создание предприятий потребкооперации и т. д.¹².

В настоящее время программа финансируется властями некоторых регионов, где размер субсидии определяется по-разному. Например, в 2012 г. такие программы действовали в Нижегородской области для жителей, проживающих в районах с высоким уровнем безработицы. В Татарстане субсидия предоставлялась при условии вложения личных денежных средств в начало собственного дела в размере 5%. В Саратовской области на получение субсидии в размере 58 800 руб. на открытие собственного дела имели право граждане, обладающие статусом безработного и представившие грамотно составленный бизнес-план.

Насколько эффективны предложенные государством формы поддержки? На наш взгляд, оценить их можно также с позиции «следуй за актором», т. е. исходя из того, что возможно, живя на селе, открыть, какие виды деятельности допускает, поддерживает или, наоборот, делает бесперспективными сельская среда.

Обратимся снова к рисунку 1. Мы видим, что, если исключить самую нижнюю строку – «Сельское и лесное хозяйство» (и неоправданно включенную туда охоту), которые протекают в формальных организациях, то ведущим видом самозанятости останется торговля, поскольку другие виды – ремонт автотранспорта, бытовых предметов – делаются сельскими умельцами для односельчан попутно с основной работой и зачастую бесплатно. Создание новых ЛПХ – тоже сомнительное предложение, оно применимо только для ремигрантов, семей, переселяющихся в село из других мест.

Малому предпринимательству в РФ вообще трудно себя проявить в том формате, который существует в странах Запада и успехи которого завораживают многих из идеологов и организаторов современного хозяйствования.

Например, институт субсидий в начало собственного дела. На какой базе? За рубежом это, в основном, изделия для комплектования продукции, выпускаемой на крупных предприятиях. Что может производить сельский житель, удел которого либо торговать, либо быть кустарем-одиночкой. Рассчитывать на серьезную производственную работу он не может.

Обратимся к специальному выпуску журнала «Эксперт», где в редакционной статье отмечается: «Упростившаяся и одичавшая за драматические 1990-е и так толком не восстановившаяся за тучные 2000-е хозяйственная система мстит за наплевательское отношение к собственной индустрии <...> Ни в одной стране мира идея постиндустриальной экономики не была реализована в такой мере, как в последние двадцать лет в России. Сначала нам говорили, что нам нечего бояться разрушения производства, потому что мы все можем купить на глобальном рынке. Потом уверяли, что не надо давать экономике денег, потому что будет инфляция. Потом нам начали поднимать налоги, чтобы платить пенсии, но не давали денег, чтобы

реконструировать жилищный и коммунальный комплекс. Потом сказали, что нужно скакнуть в инновационный мир, но не собирались инвестировать в науку. Потом сказали, что экономику будет вытягивать потребительский рынок, но не хотели строить дороги, по которым можно перевозить товары. Потом захотели построить в России мировой финансовый центр, но не захотели осуществлять в стране размещение акций крупных компаний. Как результат, через четверть века после начала перестройки мы почти ничего не производим, у нас осталось совсем мало основного капитала, многие наши города, поселки и деревни находятся на грани цивилизационного существования»¹³. Хотя за последние тридцать лет в мире реализуется практика постиндустриального мира, эффективность достигается только в тех странах, которые накопили мощный промышленный капитал. Если же этого нет и большая часть населения работает в непроизводственной сфере, то в такой стране невозможно обеспечить стабильность ее богатства, ни даже поддержать цивилизованный уровень жизни на территории страны.

Итак, для большинства видов самозанятости *порождающей среды* в современном селе нет. Масштаб поддержки государством этого направления крайне ограничен, порой предстает как элементарное формотворчество. Так, в 2011 г. создано 28,1 тыс. рабочих мест для жителей села. Если учесть, что в стране 18 833 (по состоянию на 01.01.2012 г.)¹⁴ сельских поселений, то получится: создано около 1,5 рабочих места на поселение! Поэтому говорить об эффективности мер поддержки самозанятости не приходится.

К тому же государство ведет непоследовательную политику в отношении развития института самозанятости. С 1 января 2013 г. произошло двукратное увеличение страховых взносов в ПФР для самозанятых категорий населения. В результате этого только в период с декабря 2012 г. по март 2013 г. прекратили бизнес около 370 тыс. индивидуальных предпринимателей¹⁵, т. е., с одной стороны создается программа поддержки, с другой – делается шаг по разрушению уже существующего состава. Можно ли рассчитывать, что будет приток новых акторов самозанятости?

Какими личностными качествами должен обладать индивид, чтобы продвинуться в слой более высокого статуса?

Прежде всего, важен высокий уровень образования – общего и профессионального. Однако этот признак, как свидетельствует практика, не гарантирует попадания в продвинутой слой социальной структуры. Выпускник аграрного вуза нередко становится продавцом в овощном магазине, вместо того чтобы организовывать процесс получения сельскохозяйственной продукции на полях фермеров или корпоративных хозяйств. Однако агросфера не обделена творческими людьми. В советские годы они объединялись в группы рационализаторов и изобретателей, творчество

которых не выходило за пределы техники и технологии. В настоящее время жизнь предъявляет большой объем требований, с которыми может справиться именно креативная личность.

Креативность может быть высокого или среднего уровня, подобно делению на специалистов высшей или средней квалификации. Наилучший старт для продвижения в креативный слой села имеют специалисты высокой квалификации, занятые тем или иным видом агродела. Но не только они. Их доля велика среди самозанятых, в деятельности которых органично соединились мобилизационная, креативная составляющие независимо от их уровня образования.

В качестве одной из версий структуры и эмпирических измерителей креативного слоя сельского населения мы выделяем: умение принимать нестандартные решения; высокая адаптированность к неблагоприятным условиям деятельности; жизненная позиция или личностная характеристика, соответствующие общественным ожиданиям; творческий компонент деятельности; индивидуальная ответственность за результаты своей работы; ориентация на гуманные ценности в процессе реализации прагматических целей.

Высокие проявления по всем выделенным блокам создает образ креативной личности и группы, действующей в той или иной среде. При этом важна соразмерность характеристик. Достаточно исключить, например, такую черту, как ориентация на гуманные ценности, и получится образ хотя и творческой личности, но ограниченной узким миром своих забот и дел. В то же время отсутствие некоторых других признаков не исключает человека из креативного слоя. Ведь нередко фермер, не получивший высшего агрономического образования, прекрасно справляется со своей ролью. Точно так же можно оценить индивидов, занятых в других сферах деятельности.

Бытие современного сельского жителя полно противоречий. Государство рассматривает его в основном через функциональное предназначение АПК, ограниченное производством сельскохозяйственной продукции. Но этот подход не отличается упреждением будущих потребностей. За 20 лет после распада колхозов новые сельскохозяйственные организации конституированных укладов в селе (АО, ТО, СПК) фактически не создавались, поэтому самозанятость становится центральным институтом сельской реальности. Вряд ли можно признать рациональной ситуацию, когда люди от земли, имеющие опыт и умение работать в полеводстве и животноводстве, прозябают в роли низкооплачиваемых охранников в магазинах больших городов. Этот канал обеспечения источников выживания они используют вынужденно, растрчивая свой человеческий капитал, который в агросфере мог бы реализовываться с большей пользой и моральным удовлетворением.

Резервы самоподдержания потенциала к действию меньше всего приходится связывать с крупными сельскохозяйственными организациями, редко демонстрирующими развитие, не дающими простора для креативности, т. е. все жестко регламентировано менеджментом. Поэтому поддержка личной инициативы жителей села, чтобы они реализовывали свой трудовой потенциал, в агросфере – генеральное направление государственной социальной политики.

Если сельскому хозяйству придавать смысл и значение, которое оно заслуживает как институт поддержания здорового социального самочувствия всего российского социума, то в проводимой государственной политике необходимо более действенное стимулирование аграрного производства в сельских домохозяйствах.

Нужны специальные меры, направленные на:

- оказание финансовой помощи в виде субсидий на организацию собственного бизнеса в сфере агропродовольственного сектора;
- оказание правовой и организационной поддержки на стадии открытия собственного дела;
- повышение доступности сельхозтоваропроизводителей к рынкам сбыта произведенной продукции;
- развитие социально-экономической интеграции домашних хозяйств с сельскохозяйственными организациями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами;
- оказание материально-технической, информационной поддержки кооперативным образованиям в сельской местности;
- закрепление правового статуса сельских граждан трудоспособного возраста, занятых в домашних хозяйствах и не имеющих другого места работы (трудовой стаж, социальное страхование, пенсионное обеспечение): в хозяйствах товарного типа – на условиях, установленных для граждан, занятых индивидуальным предпринимательством; в хозяйствах потребительского типа – добровольно; в интегрированных образованиях – за счет обязательных страховых отчислений в государственные и негосударственные пенсионные фонды РФ.

Реализация вышеперечисленных мер может позитивно повлиять на устойчивость и высокие темпы развития не только малых форм хозяйствования в сельской местности, но и всего агропродовольственного комплекса в целом, а также на повышение уровня и качества жизни сельского населения. Задача заключается в выявлении наиболее перспективных направлений деятельности для каждой конкретной территории и использовании их в качестве точек роста социально-экономической жизни сельских сообществ.

Примечания

- ¹ См.: Калугина З. И., Фадеева О. П. Российская деревня в лабиринте реформ : социологические зарисовки. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2009.

- ² Яницкий О. Н. Социальные движения : теория, практика, перспектива. М. : Новый хронограф, 2013. С. 304–305.
- ³ Там же.
- ⁴ Великий П. П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. Саратов : Научная книга, 2012. Далее выдержки из интервью приведены в тексте курсивом по этому изданию.
- ⁵ См.: Абдрашитова А. Т., Гусманов Р. У. Современное состояние земельных отношений // Глобализация и аграрная экономика России : тенденции, возможные стратегии и риски / ред. А. Петриков. М. : ВИАПИ им. А. А. Никонова : «Энциклопедия российских деревень», 2011. С. 263–265.
- ⁶ Использованы данные Комплексного наблюдения условий жизни населения России, проведенного во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения» в 2011 году. Выборка ограничена занятыми респондентами, проживающими в сельской местности. Общий объем выборки по данному критерию составил 2815 человек, из которых работают по найму 93,7% и 6,3% заняты не по найму. Среди работающих не по найму самозанятые составляют 75,8%.
- ⁷ См.: Великий П. П. Неотходничество, или Лишние люди современной деревни // Новые идеи в социологии. М. : ЮНИТИ, 2013. С. 444–445.
- ⁸ Обследование населения по проблемам занятости. М., 2002. С. 365–386 ; Обследование населения по проблемам занятости. М., 2011. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_30/Main.htm (дата обращения: 18.11.2013) ; Обследование населения по проблемам занятости. М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm (дата обращения: 18.11.2013).
- ⁹ Обследование населения по проблемам занятости. М., 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/Main.htm (дата обращения: 18.11.2013.).
- ¹⁰ Обследование населения по проблемам занятости. М., 2011. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_30/Main.htm (дата обращения: 17.11.2013).
- ¹¹ См.: Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы. URL: <http://www.rshb.ru/gosprogrms/now/agro.php> (дата обращения: 10.11.2013).
- ¹² См.: Федеральная служба по труду и занятости. Мониторинг реализации региональных программ, предусматривающих дополнительные мероприятия, направленные на снижение напряженности на рынке труда (2009–2011). URL: <http://www.rostrud.ru> (дата обращения: 07.11.2013).
- ¹³ Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Эксперт. 2013. № 30–3 (861). С. 3, 6.
- ¹⁴ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2012 г. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.11.2013).
- ¹⁵ См.: Поступление страховых взносов от ИП выросло всего на 2%. URL: <http://www.journal.dasreda.ru> (дата обращения: 14.10.2013).

УДК 316.334.23

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ САМОЗАНЯТОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Е. В. Бочарова, С. Т. Дакирова

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: dakirova-ne@mail.ru

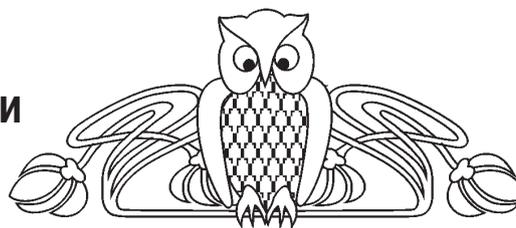
Статья посвящена изучению причин развития самозанятости в сельской местности современной России, оценке проблем, с которыми сталкиваются будущие и нынешние самозанятые сельчане, а также определению направлений развития самостоятельной занятости. Предложены мероприятия по дальнейшему совершенствованию политики в сфере поддержки самозанятости сельских жителей.

Ключевые слова: самозанятость, сельские жители, занятость, государственная политика.

Challenges and Ways of Development of Self-employment in Rural Areas

E. V. Bocharova, S. T. Dakirova

The article addresses the causes of development of self-employment in contemporary Russian rural areas, discusses the challenges the future and present self-employed rural residents face and determines

the ways of development of self-employment. It also presents measures for further improvement of the policies encouraging rural self-employment.

Key words: self-employment, rural residents, employment, public policy.

Одной из актуальных проблем современного развития российского социума является формирование в сельской местности рыночных отношений и механизмов их регулирования в целях создания новых рабочих мест для сельских жителей и обеспечения достойного уровня их жизни. В настоящее время сельский рынок труда функционирует не в полную силу. После банкротства колхозов и совхозов, уменьшения объемов сельскохозяйственного производства, резкого сокращения числа рабочих мест в сфере социальной инфраструктуры большинство сель-